Международные процессы, Том 16, № 1, сс. 116–133
DOI 10.17994/IT.2018.16.1.52.10

НОВЫЕ ДИЛЕММЫ МЕЖДУНАРОДНОГО БАНКОВСКОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

ФИНАНСОВАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ В УЩЕРБ ДЕЛОВОЙ АКТИВНОСТИ?

ИРИНА ЛАРИОНОВА
ЕЛЕНА МЕШКОВА
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

Резюме

Для последних нескольких лет характерна активная разработка и внедрение новых регуляторных стандартов, имеющих целью предупреждение кризисов и повышение банковской стабильности. При безусловной направленности на поддержание финансовой устойчивости банков практическая реализация этих стандартов не столь однозначна. Настоящая статья посвящена анализу влияния новых требований в области регулирования капитала, введения дополнительного показателя рисковой нагрузки на основе финансового левериджа на бизнес-модель кредитных организаций. В статье авторами рассмотрены новации в регуляторных требованиях к капиталу кредитных организаций, принятые Базельским комитетом по банковскому надзору (Базель III). Представлен обзор научной и профессиональной литературы, в которой на протяжении последних лет обсуждаются возможные мультипликативные эффекты внедрения Базельских стандартов. Применительно к России стимулирование повышения качества и достаточности собственного капитала банков в условиях экономической нестабильности может негативно повлиять на деловую активность кредитных организаций. Новый показатель финансового левериджа, введённый Базелем III, в России рассчитывается банками в целях отчётности и раскрывается ими начиная с 1 января 2015 года. По мнению авторов статьи, норматив финансового левериджа будет оказывать слабое влияние на банковский сектор по сравнению с показателями достаточности капитала, основанными на риске. Роль этого показателя может быть более значительной на макроуровне либо может рассматриваться как один из опережающих индикаторов возникающих проблем в деятельности кредитных организаций, которые используются для принятия регулятором превентивных мер воздействия. В то же время степень воздействия на деловую активность в банковском секторе может оказаться ощутимой. На основе проведённого анализа авторами сделан вывод о том, что на фоне существенного превышения планируемого уровня финансового левериджа банки сформировали высокорискованный портфель активов, который не улавливается новым нормативом. По мнению авторов, для влияния на финансовую устойчивость нормативные уровни коэффициента левериджа должны быть дифференцированы для банков с разной бизнес-моделью.

Ключевые слова:

Базель III; финансовый леверидж; банковский сектор; регулирование; финансовая стабильность; бизнес-модель; риск.

Для связи с авторами / Corresponding author:
Email: 8653@mail.ru

С начала 2010-х годов произошёл прорыв в банковском регулировании как ответная реакция на возникающие дисбалансы в финансово-кредитной сфере, выражавшийся в сдерживании накопления рисков в наиболее чувствительном к рыночным колебаниям сегменте финансового сектора – банковской системе. Эксперты спешно анализируют нововведения, ориентированные преимущественно на обеспечение финансовой стабильности. Не подвергая сомнению потребность в постоянном совершенствовании подходов раннего выявления и предупреждения избыточного накопления рисков, закрепившиеся способы решения этой задачи не являются безупречными по ряду причин.

Во-первых, между двумя целями государственной политики – обеспечением финансовой стабильности и стимулированием экономического развития – сохраняется противоречие. Невозможно усиливать контроль над высокорисковой деятельностью бизнеса и одновременно побуждать его к усилению активности. Любые ограничения становятся препятствием для расширения предложения и спроса, а значит, не лежат в русле потребностей экономики.

Во-вторых, с усложнением требований к оценке рисков, многочисленными уточнениями и расшифровками необходимой информации, которая, как правило, не может быть проверена на достоверность регулятором в дистанционном режиме, нивелируется ожидаемый эффект, а контактный надзор осуществляется в отложенном режиме. Это создаёт условия для проведения банками технических корректировок (в целях соответствия требованиям), которые способны исказить реальное положение дел.

В-третьих, любая оценка, даже если она проводится на ежедневной основе, не в состоянии объективно отразить фактическую ситуацию, поскольку 90% активов и обязательств денежно-кредитных институтов представлены финансовыми инструментами, стоимость которых изменяется очень быстро, зачастую в противоположных диапазонах в течение дня. В этой связи регуляторы всегда будут оказываться в позиции догоняющего.

Наконец, на эффективности регулятивного контроля сказываются различия в ожиданиях и интересах различных игроков. Регуляторы надеются, что достигают цели и обладают актуальной информацией для принятия превентивных мер, а значит, установленные требования оправданны. Банки, в свою очередь, под грузом регулятивных требований несут дополнительные издержки, что сдерживает их развитие. Субъекты хозяйствования получают более дорогие услуги, что снижает доступность финансирования.

Высказанные критические замечания не умаляют актуальности регулятивных преобразований, которые постоянно развиваются и углубляются в ответ на появление новых рисков, волатильность рыночной среды, нестабильность макроэкономических условий. В этой связи настоящее исследование призвано оценить влияние новых требований по капиталу, в частности введения показателя финансового левериджа на активность и риск-профиль кредитных организаций, и на этой основе определить возможности повышения эффективности регулирования. Подобный анализ позволит определить возможное влияние показателя финансового рычага (Базель III) на российский банковский сектор, а также разработать подходы к его применению с учётом бизнес-моделей отечественных банков.

В статье будут последовательно рассмотрены новации в регуляторных требованиях к капиталу и возможное влияние вводимого в рамках Соглашения Базельского комитета по банковскому надзору (Базель III)[1] показателя финансового левериджа на банковский сектор. После этого будет произведена оценка влияния этого регулирования на

[1] Basel III: A global regulatory framework for more resilient banks and banking systems, Basel Committee on Banking Supervision, December 2010 (rev June 2011). [Электронный ресурс]. URL: http://www.bis.org/publ/bcbs189.htm

бизнес-модели банков. В завершение представляются подходы к дифференцированному применению показателя левериджа.

1

В декабре 2010 г. Базельский комитет по банковскому надзору (БКБН) принял Соглашение (Базель III), устанавливающее более высокие стандарты качества и достаточности собственного капитала банков по сравнению с существовавшими ранее[2]. Эта новация стала следствием выявления в ходе глобального финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. процикличности[3] ряда показателей регулирования финансовой устойчивости кредитных организаций. Она распространялась по различным каналам, начиная от стандартов бухгалтерского учёта, предполагающих учёт активов по текущим ценам, осуществления маржинальных операций, а также через наращивание левериджа[4] финансовыми организациями, компаниями и потребителями.

Основной подход, предусмотренный ранними соглашениями по оценке достаточности капитала кредитных организаций с учётом оценки активов по риску, не изменился. Вместе с тем Соглашение БКБН по капиталу затронуло обе составляющие определения этого индикатора по классической формуле: как числитель, так и знаменатель:

$$\text{Показатель достаточности капитала} = \frac{\text{Соответствующий уровень капитала}}{\text{Активы, взвешенные по риску}}.$$

Новации Базеля III состояли в следующем:

– изменена структура капитала, установлен норматив достаточности базового и основного капитала, предусмотрено поэтапное прекращение признания в капитале гибридных инструментов[5], а также пересмотрены вычеты из капитала. Кроме того, предусмотрено создание двух буферов капитала: буфера сохранения капитала (conservation buffer) и антициклического буфера (countercyclical buffer range);

– повышены требования по покрытию капиталом кредитного риска на контрагента (counterparty credit risk — CCR), по операциям с производными финансовыми инструментами, сделкам РЕПО и операциям по секьюритизации активов. Одновременно изменился расчёт кредитного риска по отдельным активам, введены требования по защите потерь, связанных с банковскими инвестициями в акционерный капитал.

Внедрение более совершенного метода расчёта какого-либо показателя (например, собственных средств или норматива достаточности капитала банка) позволяет получить более точную оценку финансовой устойчивости конкретного банка, однако не меняет при этом степень его подверженности финансовым (кредитному, рыночному, ликвидности) рискам. У конкретной кредитной организации возрастают, скорее всего, правовые (и, отчасти, репутационные) риски, в связи с потребностью обеспечить соответствие требованиям пруденциальных норм и предупредить применение санкций за их невыполнение. Меры, предпринимаемые банком по приведению в соответствие значений своих показателей надзорным требованиям, могут при этом привести к существенному изменению профиля его рисков, однако это станет скорее следствием, чем причиной. Надо отметить также сложность количественной оценки этих рисков и их влияния на финансовую стабильность банков.

[2] Basel III: A global regulatory framework for more resilient banks and banking systems, Basel Committee on Banking Supervision, December 2010 (rev June 2011). [Электронный ресурс]. URL: http://www.bis.org/publ/bcbs189.htm

[3] Процикличность – стимулирование цикличности экономического развития и состояния финансовых рынков.

[4] Отношение заёмных средств к собственному капиталу компании.

[5] Инструментов, сочетающих свойства собственного и привлечённого капитала, например инструментов, которыми оформлен «субординированный» долг компании.

Представляет интерес в этой связи оценка уровня соответствия новым регуляторным требованиям показателя достаточности капитала российского банковского сектора. Статистические данные свидетельствуют, что на начало января 2017 г. в целом по банковскому сектору России он имеет одно из самых низких значений в сравнении с европейскими странами (второе место после Украины) – 13,1% (9,2% по капиталу первого уровня) (рис. 1).

На этот показатель в России оказывает существенное давление не только ужесточение регуляторных норм, в частности: пересмотр структуры основного капитала, возросшие требования к качеству субординированного долга, пересмотр вычетов из капитала и рост требований к оценке взвешенных по риску активов, но и накопление рисков российским банковским сектором. Для соблюдения банками вновь введённых регуляторных норм в 2015–2016 гг. ЦБ потребовалось даже принятие очень существенных послаблений: кредитным организациям было разрешено не учитывать отрицательную переоценку по ценным бумагам, чувствительным к рыночному риску; для оценки валютных активов и обязательств использовать курс по состоянию на 1 октября 2014 года; не формировать резервы на возможные потери по ссудам, выданным заёмщикам, пострадавшим от введения ограничительных мер зарубежными государствами, по кредитам, реструктурированным при изменении валюты кредита. Кроме этого, была проведена докапитализация банков. Перечисленные меры позволили банковскому сектору существенно увеличить значение показателей достаточности капитала и снизить величину риска активов[6]. Нельзя забывать и ещё одну проблему российских кредитных учреждений, которая связана с постепенным выводом (согласно требованиям Базеля III) субординированного долга из состава капитала. В условиях, когда привлечение внешнего финансирования существенно затруднено, возникает риск снижения совокупного капитала и его элементов в целом для банковского сектора.

Спустя пять лет после предыдущего Соглашения БКБН были приняты ещё два стандарта, связанных с оценкой требуемого капитала для покрытия рисков. В частности, в январе 2016 г. БКБН пересмотрел минимальные требования на покрытие рыночного риска, которые должны вступить в силу с января 2019 года[7]. Кроме того, в октябре 2016 г. был одобрен документ, посвящённый полному поглощению потерь холдингами[8]. Этот стандарт также вступит в силу с января 2019 года.

Происходящие изменения и уточнения в регуляторных требованиях свидетельствуют о продолжающемся поиске механизмов количественной оценки деятельности коммерческих банков для обеспечения их финансовой устойчивости. Об этом свидетельствует тот факт, что согласно Базелю III решено ввести новый показатель – финансовый рычаг (leverage ratio), характеризующий соотношение капитала и открытой позиции без взвешивания на риск.

Потребность в инструменте, измеряющем долю капитала в активах и внебалансовых обязательствах, оцениваемых по балансовой стоимости, обусловлена уроками последнего кризиса, выявившего чрезмерные диспропорции между этими величинами (капиталом и активами и внебалансовыми обязательствами кредитной организации). Ожидается, что введённый показатель позволит ограничить риск дестабилизирующего влияния изменения этого соотношения, а также создаст дополнительные механизмы защиты от модельного риска и по-

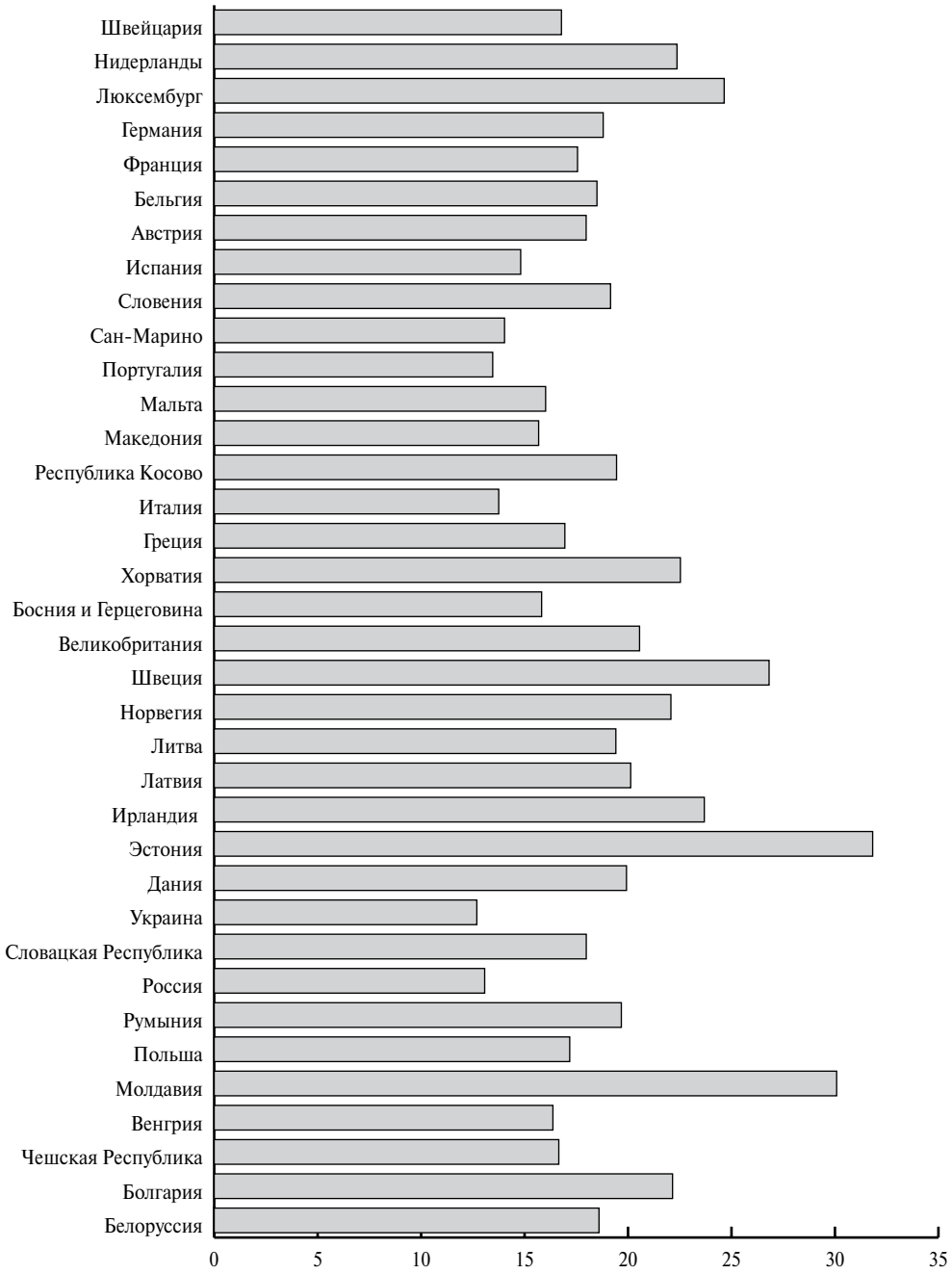
[6] Большинство из названных мер в настоящее время отменены.

[7] Minimum capital requirements for market risk, Basel Committee on Banking Supervision, January 2016. [Электронный ресурс]. URL: http://www.bis.org/bcbs/publ/d352.pdf (дата обращения 03.06.2017)

[8] TLAC holdings. Amendments to the Basel III standard on the definition of capital, Basel Committee on Banking Supervision, October 2016. [Электронный ресурс]. URL: http://www.bis.org/bcbs/publ/d387.pdf (дата обращения 03.06.2017)

Рисунок 1

Показатель достаточности капитала по странам Европы, %



Составлено авторами по данным МВФ. Индикаторы финансовой стабильности. URL: http://data.imf.org/?sk=9F855EAE-C765-405E-9C9A-A9DC2C1FEE47 (дата обращения 02.07.2017).

Рисунок 2
Показатель финансового левериджа и факторы, его определяющие

Составлено авторами.

грешности оценки покрытия капиталом активов, взвешенных на риск.

Минимальный уровень показателя предполагалось установить в размере 3% для капитала первого уровня[9]. В январе 2014 г. был принят стандарт, фиксирующий основы определения этого показателя[10], а в апреле 2016 г. опубликован консультативный документ, предусматривающий ревизию опубликованного ранее стандарта[11]. На рис. 2 представлена схема, отражающая влияние различных факторов на уровень показателя финансового левериджа коммерческого банка.

Анализ мониторинга реализации соглашения Базель III в части, касающейся показателя финансового рычага, свидетельствует, что 26 из 27 юрисдикций – членов БКБН утвердили национальные требования по раскрытию информации по его уровню (исключение составила Индонезия), однако его нормативное регулирование национальными стандартами на настоящий момент мало где установлено. Отдельные страны имеют особенности в части введения коэффициента как регулятивного. Например, в США планируется применять показатель финансового рычага в качестве дополнительного коэффициента достаточности капитала только для ограниченного числа крупнейших кредитных организаций: во всех банках Соединённых Штатов уже существует базовый и несколько отличный показатель финансового рычага, измеряемый как отношение нормативного капитала к средним балансовым

[9] Капитал первого уровня – наиболее устойчивая часть собственного капитала кредитных организаций, понятие введено базельскими соглашениями, в том числе Соглашением Базель III.

[10] Basel III leverage ratio framework and disclosure requirements, Basel Committee on Banking Supervision, January 2014. [Электронный ресурс]. URL: http://www. bis.org/publ/bcbs270.pdf (дата обращения 03.06.2017)

[11] Consultative Document. Revisions to the Basel III leverage ratio framework. Basel Committee on Banking Supervision, April 2016. [Электронный ресурс]. URL: http://www. bis.org/bcbs/publ/d365.pdf (дата обращения 03.06.2017)

активам. В государствах–членах ЕС, в которых коэффициент заёмных средств является новым нормативным инструментом, он будет применяться к гораздо более широкому кругу финансовых учреждений вне зависимости от их размера или активности на международном рынке[12].

В России показатель левериджа в настоящее время рассчитывается банками в целях отчётности и раскрывается на индивидуальной основе начиная с 1 января 2015 года и на консолидированной – с 1 января 2016 года. Центральным банком страны были разработаны и опубликованы рекомендации по расчёту кредитными организациями показателя финансового рычага в соответствии с положениями документа Базель III[13].

2

В научной и профессиональной литературе на протяжении последних нескольких лет широко обсуждаются содержание и возможные мультипликативные эффекты внедрения Базельских стандартов в России, в первую очередь касающихся структуры собственного капитала и его достаточности для покрытия активов с учётом риска. Е.В. Травкина анализировала развитие и преемственность требований по капиталу к кредитным организациям [Травкина 2011: 176–181]. В.М. Усоскин и его коллеги рассматривали влияние новых требований по капиталу на финансовую устойчивость банковского сектора [Усоскин, Белоусова, Клинцова 2013: 32–38]. Другие авторы пытались понять, насколько новации в регулировании соответствуют российским реалиям и каковы будут последствия для финансовой системы и экономики в целом [Копченко 2013: 154–159; Смольянинова, Духанина, Дашидондокова 2014: 601–605; Курилова 2015: 39–41; Юдина 2015: 13–24]. Л.А. Цурова [Цурова 2015: 822–824], Л.И. Сергеев, А.В. Петров [Сергеев, Петров 2017: 29–35] предлагают собственные подходы к оценке капитала банков и его достаточности. Широкой дискуссии относительно внедрения показателя финансового рычага российскими специалистами пока не ведётся, более того, этот феномен пока остаётся недостаточно изученным.

Зарубежными авторами проанализированы различные аспекты реализации и влияния на финансовый сектор соглашения Базель III в части достаточности и состава собственного капитала банков. Первоначально во многих исследованиях предполагалось замедление экономического развития как реакция на возросшие требования к капиталу. В качестве примера можно привести работы Института международных финансов[14] и Международного валютного фонда[15]. Позднее появились оценки, что в долгосрочной перспективе значительные издержки маловероятны, хотя в переходной фазе более высокие буферы капитала могут оказать негативное влияние на рост объёма кредитования и ВВП [Majchera 2015: 249–255]. Исследования проведены по вопросам влияния требований по капиталу на формирование резервов на возможные потери банковского сектора [Cummings, Durrani 2016: 23–36], существенности влияния требований по капиталу на различные группы банков [Chiaramonte, Casu 2016: 1–26], взаимосвязи уровня капитала и кредитной активности банков [Karmakara, Mokb 2015: 21–24], а также эффективности деятель-

[12] *Charles M.* Horn, More Leverage for the Unleveraged–Basel Committee Proposes Specific Leverage Capital Framework for Banking Organizations, Morrison & Foerster, July 1, 2013. [Электронный ресурс]. URL: https://media2.mofo.com/documents/130701-basel-capital-framework.pdf (дата обращения 01.06.2017)

[13] Письмо Банка России от 30 июля 2013 г. № 142-Т «О расчёте показателя финансового рычага».

[14] The Cumulative Impact on the Global Economy of Changes in the Financial Regulatory Framework. Institute of International Finance (IIF), 2011. [Электронный ресурс]. URL: https://www.iif.com/system/files/nciseptember2011.pdf (дата обращения 02.06.2017)

[15] *Roger, S. and Vlcek, J.,* 2011. Macroeconomic Costs of Higher Bank Capital and Liquidity Requirements. International Monetary Fund Working Paper 11/103 [Электронный ресурс]. URL: www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2011/wp11103 (дата обращения 02.06.2017).

ности [Jayadev 2015: 115–130] и другим направлениям.

Одновременно идея использования в анализе и регулировании коэффициента левериджа не нова. Аналогичные показатели применялись в Канаде и Соединённых Штатах с начала 1980-х годов. В частности, Оттава ввела коэффициент левериджа ещё в 1982 г. в связи с быстрым наращиванием активов банками без адекватного увеличения капитальной базы. Соединённые Штаты внедрили его ещё раньше, в 1981 г., на фоне опасений по поводу безопасности банков из-за снижения их капитализации и череды банкротств. Введение требования по расчёту и соблюдению коэффициента финансового рычага в отношении крупных банковских групп использовалось в Швейцарии в 2009 году. Аналогичные требования были предложены и в других юрисдикциях[16].

В то же время зарубежные эксперты поразному оценивают регулирование банковской деятельности посредством финансового левериджа, рассуждая преимущественно о его нецикличности. Некоторые эксперты полагают, что в благоприятных экономических условиях при расширении и предложении окупаемых проектов, росте спроса на кредиты банки будут заинтересованы в наращивании своих кредитных портфелей (независимо от оценки рисков). Следствием реализации такой политики станет снижение коэффициента левериджа до регулятивного минимума, что заставит банки с ограниченным капиталом либо наращивать капитальную базу, либо сокращать свою деятельность. В этой связи эксперты приходят к выводу, что введённый показатель будет действовать противоциклически, то есть он будет более низким в период экономического бума и высоким в период спада. Одновременно предполагается, что коэффициенты достаточности капитала и левериджа будут дополнять друг друга: показатель левериджа указывать на потенциальные максимальные потери, которые могут быть абсорбированы капиталом, а требования, основанные на оценке риска, – на способность банка поглощать потенциальные убытки.

В настоящее время за рубежом появляются работы, в которых предпринимается попытка оценить потенциальную эффективность вновь введённого в практику банковского регулирования показателя финансового рычага. Например, упомянутые выше исследователи [Brei, Gambacorta 2014: 37] пытались доказать тезис о том, что показатель левериджа Базеля III является в большей степени антициклическим (менее проциклическим), чем другие коэффициенты капитала, а также оценить, отличаются ли результаты в благоприятные времена от ситуации в кризисный период. С этой целью авторы сравнили новое определение коэффициента финансового рычага с альтернативными параметрами: отношением основного капитала к активам, взвешенным по риску (основной показатель достаточности капитала) и основного капитала к совокупным активам (так называемый учётный леверидж). Были определены показатели делового цикла для каждого кредитного учреждения как средневзвешенное значение иностранных требований по всем юрисдикциям, в которых оно работает, из статистики международных операций BIS (Банка международных расчётов). Анализ проводился на уровне отдельных банков за период 1995–2012 годов, для этого анализ уровня показателя левериджа был реконструирован, используя поправки на уровне страны, полученные на основе анализа статистических данных. Основные результаты исследования, полученные зарубежными авторами, состояли в следующем.

(1) В благоприятных макроэкономических условиях новый показатель левериджа является в большей степени антициклическим (менее проциклическим), чем другие коэффициенты.

[16] *Brei M. and Gambacorta L.* BIS Working Papers No 471 «The leverage ratio over the cycle», November 2014. [Электронный ресурс]. URL: https://www.bis.org/publ/work471.pdf (дата обращения 10.06.2017).

(2) Антициклический характер левериджа проявляется, по мнению экспертов, в связи с расширением условных обязательств за счёт включения гарантий и других внебалансовых требований кредитного характера.

(3) Все три коэффициента, рассчитываемые на базе основного капитала, в меньшей мере имеют антициклический характер (более процикличны) в течение кризисного периода. По мнению авторов, это объясняется снижением уровня корреляции знаменателя коэффициентов (включая кредитование) с циклическими мерами, связанными со списанием долгов или сокращением кредитования.

Существуют и другие причины, в соответствии с которыми показатель финансового левериджа рассматривается в качестве полезного инструмента банковского регулирования [Grill, Lang, Smith 2015: 46]. Одной из них является то, что банки с высокой долей заёмных средств обладают низкой способностью поглощать потери и, возможно, менее устойчивы к шокам. Наибольшую опасность представляет наращивание избыточного левериджа в банковском секторе в целом, которое наблюдалось в преддверии финансово-экономического кризиса 2008–2009 годов. Ограничение общего уровня финансового рычага применительно к банковскому сектору гарантирует, что кредитные учреждения с высокой долей активов с низким уровнем риска обладают дополнительной способностью поглощать потери. Таким образом, леверидж может представлять собой более эффективную меру для суммирования совокупного риска и защиты от редких (и сильно коррелированных) потерь в финансовой системе, которые не полностью покрываются капиталом, достаточность которого оценивается с учётом риска.

Во время глобального финансово-экономического кризиса конца 2000-х годов как раз банки с высокой долей заёмных средств, как правило, испытывали проблемы с поддержанием финансовой стабильности, демонстрируя при этом соблюдение нормативов капитала, определяемых с учётом риска. Другими словами, при установлении простого регулятивного требования к капиталу без учёта риска показатель левериджа способен снять проблемы, связанные с модельным риском, возникающим при расчёте весовых коэффициентов, или даже при прямом манипулировании рисквесами. Кризис показал, что могут возникать ситуации, при которых сложные концепции измерения риска дают сбой, содержат признаки преднамеренной оптимизации взвешенных по риску активов банками.

Следующая проблема, которая активно рассматривалась зарубежными авторами, – установление взаимосвязи между уровнем левериджа банков и качеством управления доходами и капиталом. В результате проведённого исследования [Gombola, Hob, Huang 2016: 35–58] удалось доказать, что режим управления доходами, оцениваемый через формирование резервов на возможные потери по ссудам, списание ссуд и «необычные» резервы на потери по ссудной задолженности взаимосвязаны с уровнем левериджа. Банки с высоким левериджем более склонны к управлению доходами и капиталом, чем банки с низким финансовым рычагом при его росте.

Помимо положительных оценок показателя левериджа для банковского сектора звучат и некоторые опасения в связи с его применением. Зачастую он подвергается критике со стороны участников рынка и других заинтересованных сторон. В качестве основной проблемы отмечается его нечувствительность к рискам: активы с равной номинальной стоимостью, но с разной степенью рискованности рассматриваются одинаково и сталкиваются с теми же требованиями к капиталу. Учитывая, что требование левериджа будет иметь существенное влияние только на те банки, у которых на балансе находится значительная доля активов с низким взвешенным риском, то переход от исключительно требования к капиталу, основанному на риске, может побудить их увеличить степень риска активов [Grill, Lang, Smith 2015: 46].

Несмотря на то что леверидж и оценка капитала на покрытие рисков взаимосвяза-

ны, Базель III расширяет требование финансового рычага на покрытие капиталом не только балансовых активов, но и отдельных внебалансовых инструментов (например, деривативов, операций типа РЕПО и других). В результате банки будут вынуждены применять непростую и различную методологию при расчёте одного и другого показателей. Это потребует дополнительных затрат со стороны кредитных организаций[17]. Иными словами, показатель финансового рычага, по мнению ряда зарубежных исследователей, имеет отдельные недостатки, однако ему присущ потенциал антициклического регулирования кредитной активности банков, причём он оценивается выше применяемых сегодня иных регулятивных норм.

Для опровержения либо согласия с изложенной позицией отметим, что основной акцент в рассуждениях переносится на ограничение риска расширения деловой активности по условным и безусловным обязательствам. При этом максимальное значение такого расширения составляет уровень ≥3%, то есть банки смогут расширять свою деловую активность, привлекая на единицу основного капитала до 30 единиц заёмного, что в 2,5 раза выше уровня достаточности основного капитала. Таким образом, ожидания регуляторов состоят в том, что в активах и забалансовых операциях (при расчёте знаменателя левериджа) потенциал риска составляет приблизительно 240%. Эта количественная оценка должна подвергаться статистическим обобщениям и будет различаться от страны к стране. В частности, на развивающихся рынках, например, в России ограничены возможности формирования активов безрисковыми инструментами в силу недостаточной развитости финансового рынка, секьюритизации активов и санкционных ограничений.

Можно предположить, что этот потенциал риска будет сконцентрирован в кредитном портфеле, качество которого в условиях экономического спада остаётся невысоким, а ресурсное обеспечение имеет серьёзные ограничения по срочности и чувствительности к любым внешним факторам. Более того, высокое значение левериджа, означающее, что банк имеет низкий потенциал риска (объём активов невелик), может свидетельствовать о недостаточном доверии к банку со стороны кредиторов, изъянах в финансовой устойчивости. Не менее важным фактором вуалирования потенциала риска, так же как и для классического показателя достаточности капитала, выступают резервы, формируемые для покрытия возможных потерь, поскольку их создание существенно влияет на финансовый результат, а значит, и капитал банка. Кроме того, полагаем, что значительное превышение установленной нормы показателя левериджа может свидетельствовать не только о низком кредитом плече, но о других не менее опасных рисках в обозримом будущем.

Обзор современной литературы свидетельствует, что финансовый леверидж может претендовать на роль важного дополнительного инструмента микрорегулирования, однако степень его антицикличности ещё не доказана.

3

Показатель финансового рычага, установленный Соглашением Базель III, может определяться отношение либо основного капитала, либо совокупного регуляторного капитала к позиции под риском. Совокупная позиция включает балансовую позицию, позицию по производным финансовым инструментам и сделкам финансирования с использованием ценных бумаг[18], позицию по обязательствам кредитного характера, отражённым на внебалансовых счетах. Документом установлено, что балансовые позиции включаются в расчёт за

[17] *Charles M.* Horn, More Leverage for the Unleveraged—Basel Committee Proposes Specific Leverage Capital Framework for Banking Organizations, Morrison & Foerster, July 1, 2013. URL:https://media2.mofo.com/documents/130701-basel-capital-framework.pdf

[18] Сделки включают операции прямого и обратного РЕПО, займы и кредитование ценными бумагами, операции с маржинальным кредитованием, когда стоимость транзакций зависит от рыночных оценок, а транзакции часто являются предметом маржинальных соглашений.

вычетом резервов на возможные потери или иных корректировок балансовой стоимости, неттинг кредитов и депозитов не допускается. Кроме того, оно достаточно чётко определило схему расчёта позиций по производным инструментам, сделкам финансирования с использованием ценных бумаг и внебалансовых инструментов.

Как уже отмечалось, Консультативный документ БКБН 2016 года[19] содержит некоторую корректировку подходов, применяемых в принятом ранее стандарте, основная из которых – определение позиции по производным финансовым инструментам и учёт резервов на возможные потери. Банк России Письмом от 30 июля 2013 г. №142-Т установил расчёт показателя финансового рычага на базе основного капитала, аккуратно применив подход БКБН с учётом российской специфики.

Как было показано выше, если сопоставить показатель финансового рычага и показатель достаточности основного капитала, введённый Базелем III, они отличаются соотношением активов, взвешенных по риску и общей позиции банка под риском (без взвешивания на риск). Даже сам по себе анализ этого коэффициента чрезвычайно интересен для оценки финансовой устойчивости банковского сектора:

$$H1 = \frac{\text{Основной капитал}}{\text{Активы, взвешенные по риску}} = \text{Показатель левериджа} \times \frac{\text{Позиция под риском}}{\text{Активы, взвешенные по риску}}.$$

Таблица 1

Уровень показателя финансового рычага (Базель III) по системно значимым кредитным организациям в России

Наименование банка	Показатель финансового рычага	Показатель достаточности основного капитала		Активы, взвешенные по риску/Позиция под риском
	01.10.2016	01.01.2016	01.10.2016	01.10.2016
Сбербанк	9	7,9	8,9	1,01
Банк ВТБ	10	12,2	10,4	0,96
Россельхозбанк	9	9	9,6	0,94
Банк ГПБ	8	8,7	7,9	1,01
ЮниКредит банк	9	9,5	11,7	0,77
Райффайзенбанк	11	9,6	9,9	1,11
Росбанк	10	8,1	9,3	1,08
Альфа-банк	9	7,5	7,9	1,14
Банк ФК «Открытие»	4	7,7	9,2	0,43
Промсвязьбанк	6	7,3	6,8	0,88

Составлено авторами на основе данных Банка России. URL: http://www.cbr.ru/credit/main.asp (дата обращения 02.07.2017).

Поскольку коммерческие банки в России в настоящее время уже отчитываются по показателю финансового рычага, проведем анализ уровня этого коэффициента по системно значимым кредитным организациям (табл. 1).

Данные, приведённые в таблице, позволяют сделать несколько выводов. *Во-первых*, показатель финансового рычага в рассматриваемый период по системно значимым кредитным организациям существенно выше определённого БКБН минимума в 3% (за исключением ПАО Банк ФК «Открытие»). *Во-вторых*, его значение на октябрь 2016 г. несущественно отличалось от показателя достаточности основного капитала, что свидетельствует о существенном уровне принимаемых банками рисков.

[19] Consultative Document. Revisions to the Basel III leverage ratio framework. Basel Committee on Banking Supervision, April 2016. URL: http://www. bis.org/bcbs/publ/d365

Наконец, соотношение активов, взвешенных по риску, и позиции под риском показывает, что по целому ряду банков этот показатель превышает единицу, а значит, банковские активы в значительной степени сконцентрированы на рисковых направлениях деятельности. В этой связи надо выделить АО «Альфа-банк» (значение коэффициента 1,14) и АО «Райффайзенбанк» (1,11). Напротив, достаточно низкие коэффициенты имеют ПАО Банк ФК «Открытие» (0,43) и АО «ЮниКредит банк» (0,77).

Если рассматривать соотношение активов, взвешенных по риску, и позиции под риском по менее крупным кредитным организациям, например входящим во вторую сотню по объёму активов (табл. 2), то можно увидеть, что его уровень в среднем несколько ниже, чем у крупных банков, хотя по трём банкам из десяти равен или превышает единицу.

Проведённый анализ, несмотря на ограниченную выборку в связи с начальным этапом внедрения в практику оценки левериджа, позволяет предположить, что достаточно высокий уровень принимаемых рисков российскими коммерческими банками относительно открытых позиций будет сохраняться. Об этом свидетельствует соотношение взвешенных по риску активов с балансовыми активами банковского сектора (в отличие от предыдущих расчётов этот показатель не включает в себя внебалансовые статьи, производные финансовые инструменты и некоторые другие позиции согласно расчёту показателя левериджа в соответствии с Базелем III). При этом уровень данного показателя у России один из самых высоких (рис. 3).

У изложенного наблюдения имеется простое объяснение. Ввиду недостаточной развитости инструментов фондового рынка, глубины и ликвидности финансового рынка в целом, а также с учётом задачи формирования доходов в условиях высокого уровня уже принятых рисков существенно более высокая доля активов банков приходится на кредитные вложения и другие кредитные заменители в отличие от структуры активов иностранных финансовых учреждений. При этом сохраняется парадокс, когда действующий показатель краткосрочной ликвидности, призванный поддерживать высокую долю высоколиквидных активов на балансах банков, не оказывал сдерживающего воздействия в совокупности со сформировавшимся фоном спада деловой активности в банковском секторе в

Таблица 2

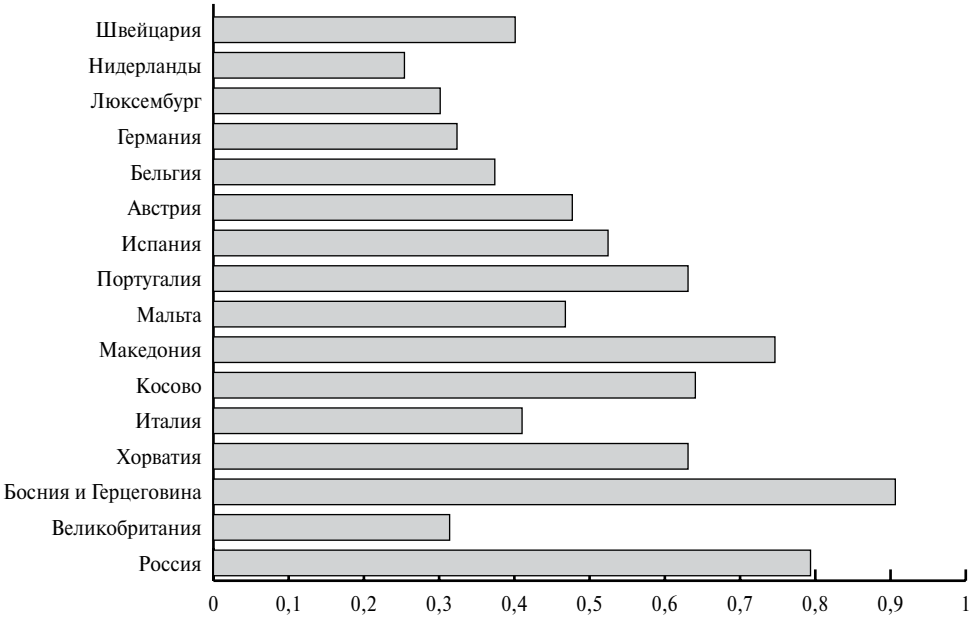
Уровень показателя финансового рычага (Базель III) по выборке банков, входящих во вторую сотню по активам

Наименование банка	Показатель финансового рычага	Показатель достаточности основного капитала		Активы, взвешенные по риску/Позиция под риском
	01.10.2016	01.01.2016	01.10.2016	01.10.2016
Международный Банк Санкт-Петербурга (МБСП)	9	7,9	9,7	0,92
АйСиБиСи Банк	7	6,7	9	0,78
МР Банк	16	27,3	28,5	0,57
Фора-Банк	9	8,2	8,5	1,06
Сумитомо Мицуи Рус Банк	24	37,3	39,8	0,62
Банк СГБ	5	7,10	7,5	0,67
Саровбизнесбанк	11	17,6	17,4	0,63
Коммерцбанк «Евразия»	20	20,4	28,7	0,71
Плюс Банк	7	6,3	7	1
Еврофинанс Моснарбанк	21	23	18,9	1,11

Составлено авторами на основе данных Банка России. URL: http://www.cbr.ru/credit/main.asp (дата обращения 02.07.2017).

Рисунок 3

Соотношение взвешенных по риску активов с балансовыми активами банковского сектора европейских стран, по итогу первого квартала 2016 года



Составлено авторами по данным МВФ. Индикаторы финансовой стабильности. URL: http://data.imf.org/?sk=9F855EAE-C765-405E-9C9A-A9DC2C1FEE47 (дата обращения 02.07.2017).

2016 г. и не привёл к снижению степени подверженности банков рискам.

Приведённые предварительные наблюдения позволяют выразить сомнение в том, что конструирование технически сложных пруденциальных нормативов позволит в обозримом будущем существенно продвинуться к желаемой цели – обеспечению финансовой стабильности функционирования денежно-кредитных институтов, поскольку на всякое ограничение могут быть найдены контрмеры, позволяющие либо их смягчить, либо стимулировать проведение высокорискованных операций.

Введённый Базелем III показатель левериджа, вероятнее всего, будет оказывать слабое влияние на банковский сектор по сравнению с показателями достаточности капитала, основанными на риске. Скорее всего значение этой нормы может быть использовано на макроуровне либо положено в основу опережающих индикаторов возникающих проблем в деятельности кредитных организаций, которые используются для принятия регулятором превентивных мер воздействия. Между тем степень воздействия на деловую активность в банковском секторе может оказаться ощутимой. Возможное влияние нового норматива на микро- и макроуровне будет проявляться по следующим направлениям (табл. 3).

Одной из актуальных для деятельности коммерческих банков проблем остается вопрос о влиянии новых пруденциальных норм, и в частности ограничений на основе левериджа, на бизнес-модель банка. Понятие бизнес-модели сегодня трактуется в научной литературе и экспертном сообществе неоднозначно. Некоторые авторы понимают под ним формализованное описание (графическое, табличное, в некоторых случаях текстовое либо в нотации специализированного программного продукта) некоторого аспекта или сферы дея-

Таблица 3

Направления влияния показателя финансового рычага (Базель III) на банковский сектор

На микроуровне	На макроуровне
Стимулирование принятия банками дополнительных рисков	Снижение угрозы накопления системных рисков
Создание стимулов реализации банками низкодоходных активов с невысоким уровнем риска	Содержит потенциал антициклического регулирования
Существенное влияние окажет на банки: • со значительными внебалансовыми обязательствами кредитного характера; • с большой долей активов в инструментах с низкими весами при расчёте активов, взвешенных по риску; • которые используют продвинутые модели оценки кредитного риска и, соответственно, более низкое отношение активов, взвешенных по риску, к совокупной позиции под риском.	Не улавливает риск ухудшения качества кредитного портфеля банков.

тельности предприятия. Например, модели стратегических целей и показателей, стратегические карты, модели бизнес-процессов, модели организационной структуры, модели библиотек документов[20].

Другие предлагают рассматривать бизнес-модель как совокупность девяти блоков, которые отражают логику действий компании, направленных на получение прибыли. Они охватывают четыре основные сферы бизнеса: взаимодействие с потребителем, предложение, инфраструктура и финансовая эффективность компании. Бизнес-модель подобна стратегическому плану, который претворяется в жизнь через организационные структуры, процессы и системы [Остервальдер, Пенье 2012: 330].

Специалисты в области банковского дела подходят к раскрытию данного понятия через выделение иных критериев. Некоторые авторы полагают, что в качестве таковых выступает собственность на капитал [Валенцева, Поморина 2017: 20–30]. В соответствии с данным критерием авторы выделяют банки, контролируемые государством, банки с участием иностранного капитала, кэптивные банки.

Ещё один подход ставит в основу определения бизнес-модели отношения с клиентами. Очевидно, что от характера построения взаимодействия с контрагентами во многом зависят перспективы деятельности кредитной организации, поскольку активы и обязательства банка с точки зрения их качества зависят от выбранного клиентского сегмента, устойчивости бизнеса контрагентов и их ответственного поведения. В свою очередь, выбор клиентского сегмента и построение взаимоотношений с субъектами хозяйствования определяются стратегией развития кредитной организации. Просчёты в стратегическом выборе приводят к реализации стратегического риска, одним из источников которого становится бизнес-модель.

Применительно к теме настоящей статьи отметим, что выставление «красных флажков» в виде пруденциальных ограничений окажет влияние на бизнес-модель коммерческих банков, и в первую очередь их взаимоотношения с клиентами, развитие их деловой активности. Требование по соблюдению нормативов достаточности капитала, левериджа, краткосрочной ликвидности заставит менеджмент банков принудительно работать с менее рискованными инструментами в ущерб расширению кредитования и долгосрочных инвестиций. Учитывая сложные макроэкономические условия, доступность банков к долгосрочным источникам фондирования и волатильность рыночной конъюнктуры, следу-

[20] *Исаев Р.* Комплексная бизнес-модель коммерческого банка. URL: http: //www.businessstudio.ru/articles/article/kompleksnaya_biznes_model_kommercheskogo_banka/

ет ожидать, что бизнес-модель банков станет в большей мере риск-ориентированной.

* * *

Почти десятилетний период финансовой и экономической нестабильности, затронувшей развитые и развивающиеся страны после глобального финансово-экономического кризиса 2008–2009 годов, обусловил потребность в поиске стабилизирующих механизмов в сфере регулирования и прежде всего микропруденциальных норм деятельности. Этот поиск венчается всё новыми стандартами. В результате не только расширяется их перечень, но и алгоритмы расчёта показателей существенно усложняются. Основным побудительным мотивом происходящих нововведений является выработка таких измерителей, которые не носили бы проциклический характер.

Ярким примером тому стала разработка стандартов, определяющих обновлённую структуру капитала, повышение качества элементов капитала, модернизацию оценки достаточности базового, основного и совокупного капитала, его адекватности для абсорбирования убытков. Между тем исследование эффекта от внедрения этих норм, проведённое зарубежными специалистами, не показало однозначной оценки степени про- или антицикличности введённых индикаторов. Базельский комитет в целях преодоления недостатков такой оценки предложил дополнительный показатель – финансовый леверидж, позволяющий ограничить кредитное плечо коммерческих банков. Краткая история практического применения этого показателя не позволяет сделать выводы, базирующиеся на достаточной эмпирической базе данных. Тем не менее она выявила некоторые проблемные области.

С учётом анализа данных об уровне левериджа крупных российских банков можно заключить, что на фоне выполнения и даже существенного перевыполнения требований регулятора кредитные организации сформировали высокорискованный портфель активов, который не фиксируется введёнными показателями. Ещё одно наблюдение состоит в том, что «красный флажок» целесообразно установить и для низкой доли заёмных средств (условных и безусловных), поскольку такой тренд может свидетельствовать не столько о низком потенциале риска активов, сколько о более глубинных проблемах качества и доверия к банку.

Кроме того, уровни коэффициента левериджа должны быть дифференцированы для банков с разной бизнес-моделью. Эта фундаментальная характеристика кредитных организаций, выступая важной составляющей успешности их деятельности, не относится к сфере регулирования со стороны государственных регуляторов, оказывая при этом существенное влияние на финансовую устойчивость и перспективы деятельности, поскольку определяет фокусирование на определённой нише, клиенте, технологии. Введение пруденциальных норм деятельности будет оказывать прямое и косвенное влияние на бизнес-модель банков, которая становится всё более риск-ориентированной.

Существует явное противоречие между целями регулирования банковской деятельности (обеспечением финансовой устойчивости) и задачей повышения прибыльности банков. Задача современного регулирования и надзора состоит в поиске компромисса между этими целями. Решение проблемы может находиться в сочетании регулирования и надзора с некоторыми элементами стимулирования, которое применительно к ограничению банковских рисков посредством показателя левериджа будет предполагать дифференциацию показателя по банкам с различными бизнес-моделями, классифицированными по риску.

Список литературы

Валенцева Н.И., Поморина М.А. Влияние институциональной среды на модели деятельности российского банковского сектора // Банковское дело. 2017. №2. С. 20–30.

Копченко Ю.Е. Российские банки в контексте новых требований к капиталу // Наука и общество. 2013. № 6 (15). С. 154–159.

Курилова А.А. Особенности внедрения Базель III в России // СМАЛЬТА. 2015. № 5. С. 39–41.
Остервальдер А., Пенье И. Построение бизнес-моделей. Настольная книга стратега и новатора. М.: Альпина Паблишер, 2012. 330 с. http://fictionbook.ru/static/trials/06/14/79/06147994.a4.pdf
Сергеев Л.И., Петров А.В. Совершенствование модели расчёта контрциклического буфера в системе требований по достаточности капитала стандарта Базель III // Государственный аудит. Право. Экономика. 2017. № 2. С. 29–35.
Смольянинова Е.Н., Духанина Н.А., Дашидондокова А.Ц. Базель III в России: новые подходы к определению капитала // Фундаментальные исследования. 2014. № 12-3. С. 601–605.
Травкина Е.В. Реализация в российском банковском секторе Базельских соглашений // Наука и общество. 2011. №2. С. 176–181.
Усоскин В.М., Белоусова В.Ю., Клинцова М.В. Базель III: влияние на экономический рост (Обзор эмпирических исследований) // Деньги и кредит. 2013. №9. С. 32–38.
Цурова Л.А. Банковский капитал и ликвидность: в развитие требований Банка России (Базель III) // Экономика и предпринимательство. 2015. № 6-2 (59-2). С. 822–824.
Юдина И.Н. Цена возможных ошибок регулирования капитала банков // Финансы и кредит. 2015. № 27. С. 13–24.
Brei M., Gambacorta L. The leverage ratio over the cycle. BIS Working Papers No 471. November 2014. URL: https://www.bis.org/publ/work471.pdf
Chiaramonte L., Casu B. Capital and liquidity ratios and financial distress. Evidence from the European banking industry // The British accounting review. 2016. P. 1–26.
Cummingsa J.R., Durrani K.J. Effect of the Basel Accord capital requirements on the loan-loss provisioning practices of Australian banks // Journal of Banking & Finance. 2016. No. 67 P. 23–36.
Gombola M.J., Hob A. Y.-F., Chin-Chuan Huang. The effect of leverage and liquidity on earnings and capital management: Evidence from U.S. commercial banks // International Review of Economics and Finance. 2016. No. 43. P. 35–58.
Grill M., Lang J.H., Smith J. The Leverage Ratio, Risk-Taking and Bank Stability. Financial Stability Review. November 2015. URL: http://www.eba.europa.eu/documents/10180/1018121/Grill,%20Lang,%20Smith%20-%20The%20Leverage%20Ratio,%20Risk-Taking%20and%20Bank%20Stability%20-%20Paper.pdf
Horn Ch.M. More Leverage for the Unleveraged—Basel Committee Proposes Specific Leverage Capital Framework for Banking Organizations, Morrison & Foerster. URL: www.mofo.com
Jayadev M. Basel III implementation: Issues and challenges for Indian banks // Management review. 2015. No. 25. P. 115–130.
Karmakara S., Mokb J. Bank capital and lending: An analysis of commercial banks in the United States // Economics Letters. 2015. No. 128. P. 21–24.
Majchera P. Increased Bank Capital Requirements: Neither Panacea nor Poison // Procedia Economics and Finance. 2015. No. 25. P. 249 – 255.
Roger S., Vlcek J. Macroeconomic Costs of Higher Bank Capital and Liquidity Requirements. International Monetary Fund Working Paper 11/103. 2011. URL: www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2011/wp11103

NEW DILEMMAS OF INTERNATIONAL BANKING STANDARDS

FINANCIAL STABILITY AND BUSINESS ACTIVITY TRADEOFF

IRINA LARIONOVA
ELENA MESHKOVA
Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow 125993, Russia

Abstract

The development and implementation of new regulatory standards to prevent crises and increase bank stability became common in recent years. These standards are aimed to maintain the financial stability of banking sector, but the results of their practical implementation are not so clear. The subject of research is the analysis of the new capital requirements and financial leverage indicator introduction impact to the credit institutions business model. The authors examined innovations in regulatory capital requirements of credit institutions, adopted by the Basel Committee on Banking Supervision (Basel III). The presented review of scholarly literature is devoted to the possible multiplicative effects of the implementation of the Basel standards. Regarding Russia the improvement of the bank capital quality and adequacy stimulating in conditions of economic instability can negatively affect to the credit institutions business activity. The new financial leverage indicator introduced by Basel III, is calculated by banks for reporting purposes in Russia and is disclosed by them from January 1, 2015. The authors of the article expect that the financial leverage standard will have a weak effect on the banking sector in comparison with capital adequacy indicators based on risk. The role of this indicator can be more significant at the macro level. It can be considered as one of the early warning indicators of the credit institutions that are used to take preventive measures by the Regulator. At the same time, the introduction of this indicator can have a strong effect on banking sector business activity. The authors carried out analysis and concluded that exceeding the planned level of financial leveraging, banks formed a high-risk asset portfolio. The quality of this portfolio is not «captured» by the new coefficient. The authors are convinced that the leverage coefficient level should be differentiated for banks with different business models.

Keywords:

Basel III; financial leverage; banking sector; regulation; financial stability; business model; risk.

References

Brei M. and Gambacorta L. (2014). *The leverage ratio over the cycle*. BIS Working Papers No 471. URL: https://www.bis.org/publ/work471.pdf

Chiaramonte L., Barbara C. (2016). Capital and liquidity ratios and financial distress. Evidence from the European banking industry. *The British accounting review*. P. 1–26.

Cummingsa J.R., Durrani K.J. (2016). Effect of the Basel Accord capital requirements on the loan-loss provisioning practices of Australian banks. *Journal of Banking & Finance*. No. 67. P. 23–36

Gombola M.J., Hob Amy Yueh-Fang, Huang Chin-Chuan. (2016). The effect of leverage and liquidity on earnings and capital management: Evidence from U.S. commercial banks. *International Review of Economics and Finance*. No. 43. P. 35–58.

Grill M., Lang J.H. Smith J. (2015). The Leverage Ratio, Risk-Taking and Bank Stability. *Financial Stability Review*. URL: http://www.eba.europa.eu/documents/10180/1018121/Grill,%20Lang,%20Smith%20-%20The%20Leverage%20Ratio,%20Risk-Taking%20and%20Bank%20Stability%20-%20Paper.pdf

Jayadev M. (2015). Basel III implementation: Issues and challenges for Indian banks. *Management review*. No. 25. P. 115–130.

Karmakara S., Mokb J. (2015). Bank capital and lending: An analysis of commercial banks in the United States. *Economics Letters*. No. 128. P. 21–24

Kurilova A.A. (2015). Osobennosti vnedreniya Bazel III v Rossii. [Features of implementation Basel III in Russia]. *SMAL'TA*. No. 5. P. 39–41.

Kopchenko Yu.E. (2013). Rossijskie banki v kontekste novykh trebovanij k kapitalu [Russian banks in the context of the new capital requirements]. *Nauka i obshchestvo*. No. 6 (15). P. 154–159.

Majchera P. (2015). Increased Bank Capital Requirements: Neither Panacea nor Poison. *Procedia Economics and Finance*. No. 25. P. 249–255.

Osterval'der A., Pen'e Iv. (2012). Postroyeniye biznes-modeley. Nastolnaya kniga stratega i novatora. [Business models building. Handbook of the strategist and innovator]. M.: Al'pina Pablisher. 303 p.

Roger S., Vlcek J. (2011). *Macroeconomic Costs of Higher Bank Capital and Liquidity Requirements*. International Monetary Fund Working Paper 11/103 URL: www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2011/wp11103

Sergeev L.I., Petrov A.V. (2017). Sovershenstvovaniye modeli raschyeta kontrtsiklicheskogo bufera v sisteme trebovanij po dostatochnosti kapitala standarta Bazel III. [Perfection of the countercyclic

buffer calculating model in the system of capital adequacy requirements of the Basel III]. *Gosudarstvennyj audit. Pravo. Ekonomika*. No. 2. P. 29–35.

Smol'yaninova E.N., Dukhanina N.A., Dashidondokova A.Ts. (2014). Bazel III v Rossii: novyye podkhody k opredeleniyu kapitala. [Basel III in Russia: new approaches to the definition of capital]. *Fundamental'nye issledovaniya*. No. 12-3. P. 601–605.

Travkina E.V. (2011). Realizatsiya v rossiyskom bankovskom sektore Bazelskikh soglasheniy. [Implementing the Basel Convention in the Russian banking sector]. *Nauka i obshchestvo*. No. 2. P. 176–181.

Usoskin V.M., Belousova V.Yu., Klintsova M.V. (2013). Bazel III: vliyaniye na ekonomicheskiy rost (Obzor empiricheskikh issledovaniy). [Basel III: impact on economic growth (Review of empirical research)]. *Den'gi i kredit*. No. 9. P. 32–38.

Valenceva N.I, Pomorina M.A. (2017). Vliyaniye institutsionalnoy sredy na modeli deyatelnosti rossiyskogo bankovskogo sektora. [The institutional environment impact on the Russian banking sector activity model]. *Bankovskoe delo.* No. 2. P. 20–30.